

Литературная семиотика и доктрина знаков¹

Дж. Дили

УНИВЕРСИТЕТ ФОМЫ АКВИНСКОГО, ХЬЮСТОН

Аннотация: Данная работа представляет собой первую главу выдающегося труда по семиотике, написанного Джоном Дили. Книга «Основы семиотики» публиковалась много раз в различных странах мира. Она является классическим вкладом в современные исследования по семиотике, имеет значительный философский подтекст, восходящий к доктрине Д. Пуансо. Автор «Основ...» характеризуется американским стилем интерпретации базовых семиотических доктрин. Он – один из видных американских семиотиков нашего времени.

Ключевые слова: Семиотика, семиология, доктрина, знаки

УДК: 81.13.

Контактная информация: University of St. Thomas in Houston, USA. E-mail: jndeely@stthom.edu.

В Соединенных Штатах развитие семиотики приняло совсем иной оборот по сравнению с преимущественно литературным и лингвистическим направлениями ее развития, более характерными для европейского контекста. Возможно, это было связано в особенности с влиянием личности Томаса Себеока, а также проектами руководимого им «Исследовательского центра языковых и семиотических исследований» в кампусе Блумингтона Университета Индианы. Это направление обещает семиотическому движению в целом новые и более широкие рамки для проведения исследований, т. е. такие, которые, по правде говоря, более соответствуют возможностям, заключенным в первоначальном представлении Локка о месте семиотики среди наук как естественного, так и гуманитарного цикла.

¹ Перевод с английского выполнен доктором филологических наук, профессором С. Г. Проскуриным при участии кандидата филологических наук А. С. Центнер.

Часто большим подспорьем служит название, подчеркивающее важные различия, и в этом случае сами эти названия наук по большей части являются результатом их развития. Все, что нужно, так это сорвать с дерева устоявшихся употреблений терминов те, которые являются самыми продуктивными в передаче особенностей парадигмального сдвига, претерпеваемого семиотикой в социологическом аспекте, по мере ее расширения за пределы литературных и лингвистических форм до принятия в дальнейшем в фокус анализа биологических форм и эволюционного развития в общем. Появление семиотических животных является уже само по себе третичным явлением в отношении общего развития физического универсума. Что значат эти термины, было сформулировано в контексте французской науки Жоржем Мунэном, нечаянно и вопреки собственной позиции, еще в начале 1970-х гг.: «Термин *семиотика* проложил свой путь во французский... как обозначение семиологии вообще – употребление, которое противоречит здравому смыслу...»¹.

Я хочу подчеркнуть глубинные причины, по которым Мунэн ощущает появившееся употребление как «противоречащее здравому смыслу» и, парадоксальным образом, в то же время я хочу указать на то, что неразумным было бы не появление нового употребления, а сама попытка уровнять его с устоявшимся употреблением. При этом обозначение «семиология» стало отчасти ошибочно использоваться по отношению к целой отрасли доктрины знаков. С точки зрения развития семиотики в Северной Америке глубоко ошибочным оказывается заявление Дечио Пигнатари: «В Европе семиотика называется семиологией...»².

Как правильно отметил Аза Бергер, «существенный прорыв семиологии заключается в принятии лингвистики в качестве модели и применении лингвистических концептов по отношению к другим феноменам – текстам, – а не по отношению только к самому языку»³. И на том спасибо. Но если бы в этом был вопрос, тогда существенный прорыв семиотики, напротив, заключался в понимании того, что феномен семиозиса предполагает наличие модели, в рамках которой лингвистические явления, взятые вместе, предстают как подкласс более широкой сферы знаковой активности. Эта активность не может быть даже ограничена культурным аспектом развития, определяющего наши представления о естественном мире. Другими словами, если семиология по праву воспринимается как имя собственное для жанра семиотики, изучающего знак в качестве «прежде всего конструкта», согласно точному выражению Пола Перрона⁴, тогда семиотику по праву следует воспринимать как обозначение более крупной области знания, значительную часть которой составляет семиология, включающая в себя, как это происходит в антропосемиозисе, высшие достижения семиозиса, среди которых, несомненно, находится и литературная семиотика.

Затем, что я хотел бы сделать здесь, так это предложить способ расширения анализа литературной семиотики, который предполагал бы включение

¹ Mounin 1970: 57n.

² Pignatari 1971: 27.

³ Berger 1982: 14, 17.

⁴ Perron 1983: 1.

в предмет рассмотрения наравне с исключительно культурными и литературными текстами также и в некотором смысле естественных явлений. В связи с этим мы можем наблюдать понятие повествования (нарратива) как возникшее в семиотическом аспекте и как способное не только реставрировать что-то в классическом философском понимании, что имело место в качестве культурного феномена – включая литературу, – так и в некотором смысле расширение и связь с большим миром природы, который культурные существа, вне сомнения, могут воспринимать как должное или даже игнорировать в своем жизненном цикле, но который остается, тем не менее, неизбежным контекстом, в котором они развиваются и от которого они зависят, даже будучи культурными существами. Потому что именно более широкое окружение предоставляет в первую очередь материалы, или, как мы могли бы сказать, сырьевые возможности, для культурных творений, включая литературные тексты, а также обеспечивает в последующем их существование.

В своем семинаре 1984 г. по «Семиозису как психологически воплощенному феномену», проводившемся в рамках Международного летнего института по семиотике и структурным исследованиям (ISISSS), Гэри Шанк предложил для семиотики понятие нарратива, которое я бы хотел сделать ниже предметом моих размышлений. Человеческие существа, предположил он, «в высшей степени имеют способность к нарративу в отличие от других животных». Это очень интересное понятие, являющееся семиотическим по своей природе. В контексте семиотики мы воспринимаем на слух много формальных и логических структур. Тем не менее в значительной степени передача культуры детям происходит в форме историй, т. е. нарративов. Животные в отличие от людей не делают этого. Они не воспитывают свое подрастающее поколение на историях, а прибегают к помощи инстинктов и примеров – примеров чисто поведенческого типа, а не примеров героизма или образцов приключений, воплощенных в нарративных историях и призванных поддерживать различные человеческие культуры и составлять основу для окультуривания детей во всех сообществах. Мы (возможно, прежде всего семиотисты, занимающиеся литературой) должны разобраться с вопросом, поднятым Джеромом Брунером на своем первом семинаре в рамках упоминавшегося выше Международного летнего института по семиотике 1984 г.: «Почему дети могут понимать истории гораздо раньше, чем логику?».

Антропологи обратили наше внимание на богатый и экзотический материал, который сходным образом свидетельствует о важности нарратива для всех народов земли. Вероятно, можно сказать, что первой из нарративных универсалий, которую мы должны рассмотреть, является, таким образом, универсальная роль нарратива как корневой основы передачи культуры – корневой основы, как показывает в эссе по истории и семиотике Брук Вильямс¹, исключительно человеческого семиозиса, при этом биологическая наследственность дополняется кумулятивной передачей знаний, что становится возможным только благодаря нарративу.

С этой точки зрения становится возможным некоторое число разъяснений, представляющих особую важность для самой семиотики в определении ее

¹ Williams 1985.

собственного будущего и в овладении уникальными возможностями, открытыми в наши дни развитием доктрины знаков. Возможно, впервые за последние триста лет семиотика сделала возможным установление новых основ гуманитарных наук. Эти основы, в свою очередь, сделали возможным появление новых надстроек гуманитарных и так называемых естественных наук. О такой структуре ученые давно мечтали, но только семиотика впервые сделала ее достигаемой, и лишь при том условии, что мы понимаем, что есть знак и каковы его наиважнейшие принципы функционирования, и понимание это является достаточно глубоким, чтобы предотвратить ограничение семиотического исследования сферой искусственных знаков.

В этом отношении развитие семиотики в наше время создает некоторое число загадок, которые не следует упускать из виду в наших попытках проинтерпретировать, с каким видом человеческого явления мы имеем дело. Томас Себеок¹ отмечал в 1971 г.: «В то время как каждый пишущий для журнала Семиотика может дать волю своему личному вкусу, наклеивая какую-либо этикетку теории знаков», сама терминология в рамках одного и того же раздела дискурса обычно не генерируется *ad libitum*, поскольку «уже первоначальный выбор укажет» искусственному читателю на традицию, к которой принадлежит автор текста.

Хорошо известно, что семиотика, какой мы ее сейчас знаем, восходит к двум основоположникам-современникам, работавшим в области лингвистики и в области философии. Первый из них, Фердинанд де Соссюр, предвидел будущее развитие науки под названием семиология, термин, который, как кажется, придумал он сам, образовав его, конечно, от др.-греч. *σημείον*. Второй ученый – Ч. С. Пирс – предпочел название «семиотика», которое также восходит к древнегреческому слову, но было придумано Пирсом. Пирс вывел свое видение возможного развития науки, которое сейчас становится реальностью, как он сам об этом говорит нам, из текста, которым Джон Локк завершает свой «Опыт о человеческом разумении».

Для Соссюра, «наука» о знаках была одной из областей социальной психологии, и лингвистика рассматривалась как подвид этой области, хотя и самый важный. Конечно, сам де Соссюр сказал не очень много об этой «возможной науке». Но он предостерег: «поскольку она еще не существует, мы не можем сказать, какую форму она примет»², – мудрое предостережение, которое было почти полностью проигнорировано, как следует упомянуть, даже самыми проницательными исследователями нашего времени, черпавшими свое вдохновение из идей де Соссюра и продолжавшими развивать «науку» о знаках, концентрируясь исключительно на литературных текстах и других артефактах культуры, которые также рассматривались по принципам явлений языка и почти как составная его часть. В рамках данной традиции возможности семиотического понимания, хотя и очень разнообразного и богатого, всегда были ограничены весьма искусственными способами и условиями, такими, как глоттоцентризм, на которые многократно указывал Поль Буисак³.

¹ Sebeok 1971: 56.

² Saussure i. 1906-1911: 33.

³ For example, Bouissac 1979, 1981.

В этом отношении семиотическому развитию, несомненно, мешало в определении перспективы, полностью характерной для него, неизбежное переплетение со спиралью современной философии, – в частности работой кантианской критики, в соответствии с которой не существует мира, познанного или познаваемого, за пределами явлений, конструируемых самим пониманием в соответствии с его скрытыми механизмами и непреложными законами. Пишущий в рамках этой традиции Теренс Хокс¹ напоминает нам, что:

Из этого следует, что основной источник quarry структуралистского мышления – постоянные структуры, в рамки которых вписываются человеческие действия, восприятия и установки и из которых они заимствуют свою конечную природу. Это также включает то, что Фредерик Джеймсон² описал как эксплицитный поиск постоянных структур самого разума, организационных категорий и форм, благодаря которым разум способен познавать мир или обнаруживать значение в том, что само по себе, в сущности, его не имеет.

Эта традиция, как я заметил, первоначально процветала под знаменем семиологии, термин, который сегодня далек от того, чтобы выйти из употребления. В последние годы он, однако, находился под все усиливавшимся влиянием другой семиотической традиции, которая берет свое начало не от Соссюра, а от Пирса и Морриса и ряда других исследователей. Кажется, не будет преувеличением, если мы скажем, что стали свидетелями того, как под этим влиянием наряду с термином *sémiologie* в употребление входил более новый термин – *sémiotique*, термин, который, не вытеснив *sémiologie* полностью, стал доминировать над ним и в определенной степени замещать последний, без устранения, тем не менее, склонности к глоттоцентризму и философскому идеализму, которая характеризовала семиотическое развитие в романском ареале.

Эта склонность и усиливающееся влияние, конечно, ни в коем случае не ограничиваются романскими ареалами. В рамках современной философии Дэвид Кларк³ сделал запоздалую попытку определить семиотику как таковую в ограниченных терминах, уже установленных собственно для семиологии: как «попытку распространить по аналогии черты, первоначально выделенные при исследовании языкового употребления, на более примитивные знаки, с учетом логических свойств языка, становящихся архетипом, на котором основывается анализ этих последних знаков». Для книги, базирующейся на подобном тезисе, название «Принципы семиотики» явно неподходящее. Попытка придать семиотике статус подчиненной дисциплины в измерениях актуальной лингвистической философии убедительно продемонстрировала приверженность современным перспективам идеализма, за пределы которого выходит семиотика.

Среди современных философов, наиболее активно старавшихся избавиться от идеалистических спиралей в пользу семиотических, был Мартин Хайдеггер. Его неудачная попытка освободить себя от оков современного ло-

¹ Hawkes 1977: 18.

² Jameson 1972: 209.

³ Clarke 1987: 8; cf. 120–121, 137, and *passim*.

гоцентризма, несомненно, является доказательством распространенности последнего в современной культуре и говорит о масштабности задачи, с которой семиотике с большой вероятностью придется столкнуться. Однако в споре между реализмом и идеализмом именно он, вероятно, наиболее ясно выдвинул на передний план тот факт¹, что, несмотря на недостатки и на то, «каким противоречивым и неоправданным он может быть в своих результатах», идеализм «имеет преимущество в принципе» над реализмом. Это преимущество заключается в том простом факте, что когда бы мы не наблюдали что-либо, наблюдаемое уже предполагает семиозис и основывается на нем, тем самым наблюдаемый объект начинает существовать как объект, т. е. в первую очередь как нечто воспринимаемое, ощущаемое или известное.

Никто, включая Хайдеггера, не осознает этот факт лучше, чем семиотик. В самом деле, в сердцевине семиотики лежит осознание того, что весь человеческий опыт без исключения является интерпретативной структурой, передаваемой и поддерживаемой знаками. Поэтому, возможно, не является удивительным, что первоначальное семиотическое развитие в наше время имеет место преимущественно вдоль линии классического идеализма в современном смысле, в той среде и том климате мысли, в рамках которых структуралистский анализ текстов и нарративов является особенно комфортным.

Тем не менее мы вправе поинтересоваться, достаточно ли такой перспективы для полного развития возможностей, присущих понятию «доктрина знаков», – поинтересоваться, не ведет ли «путь знаков» за пределы и прочь от классического «пути идей», о котором говорил и Локк. Мы вправе поинтересоваться, не является ли то, в чем мы нуждаемся, скорее «семиотикой, обеспечивающей гуманитарные науки контекстом для реконцептуализации оснований и для продвижения вдоль тропы, которая явно избегает прямого столкновения с философским препятствием, спешно сооруженным в результате вынужденного выбора между реализмом и идеализмом, словно эта эксклюзивная дихотомия также исчерпала возможности интерпретации человеческого опыта», к чему призывает совместная монография Андерсона² и др.

Такое развитие, кажется, именно то, что имеет место в традиции семиотики. Эта традиция, по сути, получившая свое название благодаря Локку, достигла уровня эксплицитного тематического сознания и систематически унифицированного выражения достаточно поздно – насколько мы сейчас знаем, после появления *Tractatus de Signis*, созданного в 1632 г. иберийским философом португальского происхождения Д. Пуансо³. Но, как отметил Себеок (1976: 1), то, с чем мы столкнулись под многими различными именами, фрагментированными точками зрения, давшими жизнь этим именам, является «древней дисциплиной», развивающейся по многим каналам и ответвлениям навстречу эре своей полной тематической систематизации и крещения под своим собственным именем и в соответствии с собственной перспективой. Потому что эту же дисциплину *in nuce* – семиотику как доктрину знаков – можно обнаружить в самых древних источниках по древнегреческой медицине, фило-

¹ Heidegger 1927: 207.

² Anderson et al. 1984: 1.

³ Sebeok 1982; Deely 1988.

софии, лингвистическим размышлениям, что нашло свое отражение в недавних исследованиях ¹.

Эта традиция Пуансо – Локка – Пирса, в отличие традиции Соссюра, не черпает свое главное и почти исключительное вдохновение из человеческого языка и речи. Она видит в семиозисе более широкий и намного более фундаментальный процесс, включающий сам физический мир в человеческий семиозис, представляющий семиозис внутри нашего вида как часть семиозиса в природе. Силлогизм, при порождении которого схватываются лишь новые идеи, – идеи, которые далее развиваются дедуктивно и проверяются индуктивно, начиная новый цикл, или, скорее, спираль ², – прежде всего, явление природы. Этот принцип справедлив для искусственных знаков, однако не только для них и не в первую очередь для них.

Мы имеем здесь две традиции, или парадигмы, которые в определенной степени затруднили современное развитие, присутствуя внутри него в социологических условиях оппозиции, – оппозиции, не только не востребованной логически, но и зависящей от искаженной синекдохи, в которой часть ошибочно воспринимается как целое. Семиотика образует целое, семиология является лишь его частью.

Позвольте мне прояснить это отношение при помощи лингвистической метафоры. Древнеримские философы, проводя различие между тем, что называли *ens reale* и *ens rationis*, делали его ключевым в своем дискурсе и в целом предписывали этой дихотомии очень ясный смысл. Тем не менее они нигде однозначно не отмечали тот факт, что так называемые вещи мыслимые имеют своего рода самостоятельную реальность и что есть нечто любопытное в различии, проведенном так, что одно из понятий включает в себя другое, – нечто, требующее дальнейших пояснений. С точки зрения человеческого опыта большая часть того, что мы называем культурой, в том числе и социальные роли, образовано именно так называемыми мыслимыми вещами. И, наконец, с той же самой точки зрения фактом является то, что «действительность», т. е. то, что мы испытываем непосредственно в повседневной жизни, является комбинацией, несводимой к так называемым *ens reale*.

Вне всякого сомнения, темы и предметы того, что я называю здесь «семиологией», т. е. тексты и темы литературы и лингвистически детерминированные явления вообще, принадлежат уровню *entia rationis* в древнеримской трактовке. Но в той же трактовке данная предметная область, как это было показано, зависит от более крупного целого и подчиняется этому более крупному целому, т. е. тому универсуму природы, который мы познаем на опыте. Будучи автономной, сфера человеческой культуры является лишь *относительно* автономной сферой, так же как и является трансцендентной, только будучи частью физической среды, основываясь на ней и разделяя ее со всеми остальными формами биологической жизни в более крупной сети – биосемиозисе – взаимной зависимости. Понимание этого большего целого именно в терминах семи-

¹ Romeo 1976, 1977, 1979; Deely 1982, 1985; Eco 1984; Eschbach and Trabant 1983; Doyle 1984.

² Deely 1985a: figure 2; 1985b; 2001b: 28.

озиса в полной мере определяет задачу того, частью чего является культурная семиотика.

Ракурсом семиотики является тот ракурс, в котором «вещь истинно сущая» и «вещь мыслимая» объединяются, но не тот, в котором они противопоставляются друг другу. Джон Пуансо, первый семиотик, представлявший данную точку зрения, изложил ее следующим образом¹:

Мы обсуждаем знак в общем, поскольку он включает в себя в равной степени естественный и социальный знаки, в ракурсе которых даже те знаки, которые являются ментальными артефактами, – а именно условные знаки как таковые – также оказываются вовлеченными в рассмотрение.

Первоначальная точка зрения Пуансо была изложена также в терминологии современного семиотика. Человеческая эволюция, говорит нам Себеок²,

не только является подтверждением эволюционных процессов, которые протекали, прежде чем человек появился на сцене, но и продолжается как дуальная семиотическая последовательность, которая едва ли на практике может быть разъединена: одно направление свободно от языка (или зоосемиотика), другое восприимчиво к языку (или антропосемиотика). Семиозис должен быть осознан как вездесущий факт как природы, так и культуры.

В этой связи Себеок³ напоминает нам, что традиция семиологии является подчиненной частью семиотики в том смысле, что семиология фиксирована на «крошечном сегменте природы, который некоторые антропологи торжественно относят к категории “культура”».

Позвольте мне процитировать Себеока, давшего оригинальное описание терминов по вопросу двух традиций⁴:

До сих пор хронология семиотического изыскания, рассматриваемая панорамно, демонстрирует колебание между двумя, казалось бы, противоположными чертами: в главной традиции (которую я склонен окрестить католическим наследием) семиозис имеет место как естественное явление природы, в которой язык – высший из известных способов земной коммуникации, являясь Ламаркским по стилю, т. е. воплощая процесс обучения, который становится частью эволюционного наследия последующих поколений, – несомненно, составляет важный, хотя и относительно недавно возникший компонент...

Второстепенная тенденция, являющаяся узко глоттоцентричной, утверждает иногда с изощренностью, иногда со смущающей наивностью, что лингвистика служит моделью для остальной семиотики – le patron générale Соссюра, – из-за якобы произвольного и конвенционального характера вербального знака.

Эту тему «двух традиций» нужно рассматривать очень подробно, если ставить целью ее правильное понимание. Это не просто вопрос «двух традиций»: одной («англосаксонской»), восходящей к Пирсу, другой («континентальной»), восходящей к Соссюру, которые «кажется, развивались независимо

¹ Poinso 1632a: 118/2-6.

² Sebeok 1977: 182-183.

³ Sebeok 1984a: 3.

⁴ Sebeok 1977: 181ff.

и без взаимопроникновения», как ошибочно утверждает Паррет¹. Такое утверждение не является истинным ни социологически, ни теоретически. Дело здесь и не в «длительности традиции Соссюра в истории семиотики, а также ее полезности и в настоящее время», – на основании того, что «почти все, что базируется на Соссюре, может также основываться на более старых источниках, и ничто вследствие этого не будет утрачено»². Еще в меньшей степени этот вопрос относительно того, низверг ли «Деррида 2000 лет западной метафизики: самое большое, он (непреднамеренно) выявил несколько несоответствий традиции Соссюра, что является совсем иным вопросом»³.

Спорными являются значение и границы термина *семиотика* в том виде, в каком его ввел в употребление Локк, и понятие «реальность» как ракурс, отмеченный Локком, реализуется в ней⁴. «Главная и второстепенная традиции», понятия правильно, противостоят друг другу не больше, чем «*ens reale* и *ens rationis*» в ракурсе, свойственном доктрине знаков⁵. Это не приобретенное отношение исключения, но отношение части к целому – и *зablуждение pars pro toto*, преобладающее, когда сторонники части ошибочно воспринимают ее как целое или пытаются противопоставить ее целому.

Если в Европе, как мы увидели в заявлении Пигнатари⁶, «семиотика называется семиологией», то мы понимаем, что в Европе открыто утверждается что-то ложное, при этом что-то истинное утверждается косвенным образом, посредством метонимии. Наследники иберийской университетской традиции, как португальской, так и испанской, находятся в привилегированном положении, так как способны внести свой вклад в распространение этой истины путем возвращения к истокам и актуализации размышлений о знаке, предпринятых их собственными мыслителями в период между Оккамом и Декартом, для современного развития семиотики.

Литература *

Anderson M. et al. A Semiotic Perspective on the Sciences: Steps toward a New Paradigm // *Semiotica*. 52-1/2. 1984. P. 7–47.

Berger A. A. Media Analysis Technique. London, 1982.

Bouissac P. A Compass for Semiotics // *Ars Semeiotica*. 2.2. P. 205–221.

¹ Parret 1984: 220.

² Watt 1984: 104, 106, glossing Percival 1981.

³ Ibid.: 130, glossing Atkins 1981.

⁴ Deely 1986b.

⁵ The first anthology or reader to attempt to define the current situation from this point of view, *Frontiers in Semiotics* (Deely, Williams, and Kruse 1986), is built on the advice of Margaret Mead (1964: 287): «In this situation» – to wit, the establishment of semiotics among the traditional specialized perspectives of the sciences and humanities – «cooperation is the crucial condition for success».

⁶ Pignatari 1971: 27.

* В переводе сохранены библиографические данные седьмого издания «Basics of Semiotics», 1990 г.

- Bouissac P.* Figurative versus Objective Semiotics: an epistemological cross-roads // *Semiotics*. 1981. P. 3–12.
- Clarke D. S.* Principles of Semiotic. London, 1987.
- Deely J.* Introducing Semiotic: Its History and Doctrine. Bloomington, 1982.
- Deely J.* Editorial Afterword to Tractatus de Signis: The Semiotic of John Poinsot. Berkeley, 1985. P. 391–514.
- Deely J.* Logic as a Liberal Art. Toronto, 1985a.
- Deely J.* Doctrine // Encyclopedic Dictionary of Semiotics. Berlin, 1986b.
- Deely J.* Semiotics and the Liberal Arts // The New Scholasticism LIX.3 (Summer). P. 296–322.
- Deely J.* Physiosemiosis in the Semiotic Spiral: A play of musement // *Sign Systems Studies* 29.1. P. 27–48.
- Doyle J.* The Conimbricenses on the relation Involved in Signs // *Semiotics*. 1984. P. 567–576.
- Eco U., Deely J.* May 30 – June 24 Historiographical Foundations of Semiotics, course taught at ISISSS'83.
- Eco U.* Semiotics and the Philosophy of Language. Bloomington, 1984.
- Eschbach A., Trabandt J.* History of Semiotics. Amsterdam, 1983.
- Hawkes T.* Structuralism and Semiotics. Berkeley, 1977.
- Heidegger M.* Sein und Zeit. Tübingen, 1963.
- Jameson F.* The Prison House of Language: A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism. Princeton, 1972.
- Mounin G.* Introduction a la sémiologie. Paris, 1970.
- Parret H.* Peirce and Hjelmslev: the Two Semiotics // *Language Sciences*. 6.2. P. 217–227.
- Pignatari D.* Informação. Linguagem. Comunicação. Sao Paulo, 1971.
- Perron P.* «Preface» to Paris School Semiotics Texts and Documents I Theory. Toronto, 1983.
- Poinsot J.* Tractatus de Signis. 1632a.
- Romeo L.* Heraclitus and the Foundations of Semiotics // *Versus*. 15 (dicembre). 1976. P. 73–90.
- Romeo L.* The Derivation of Semiotics through the History of the Discipline // *Semiosis*. 6. Heft 2. 1977. P. 37–49.
- Romeo L.* Pedro da Fonseca in Renaissance Semiotics: a Segmental History of Footnotes // *Ars Semeiotica*. 3. P. 3–32.
- De Saussure F.* Lectures delivered at the University of Geneva and published from auditors' notes by Charles Bally and Albert Sechehaye with the collaboration of Albert Riedlinger under the title Cours de Linguistique Generale in 1916.
- Sebeok T. A.* Semiotic' and its Congeners // *Linguistic and Literary Studies in Honour of Archibald Hill, I: General and Theoretical Linguistics*. Lisse, 1971. P. 283–295.
- Sebeok T. A.* Ecumenicalism in Semiotics // *A Perfusion of Signs*. Bloomington, 1977. P. 180–206.
- Sebeok T. A.* Foreword to Introducing Semiotic. 1982.
- Sebeok T. A.* Vital Signs. Presidential Address delivered October 12 to the ninth Annual Meeting of the Semiotic Society of America. Bloomington, Indiana, 1984a.

Watt W. C. Signs of the Times // Semiotica. 50-1/2. P. 97–155.

Williams B. What has History to do with Semiotic // Semiotica. 54.1/2.

Article metadata

Title: Literary semiotics and the doctrine of signs.

Author: J. Deely.

Author's e-mail: jndeely@stthom.edu.

Author affiliation: University of St. Thomas in Houston, USA.

Abstract: The current excerpt presents itself a chapter borrowed from one of the brilliant volumes on semiotics written by John Deely. “Basics of Semiotics” was published many times in different countries of the world. The book is a classic contribution into the contemporary studies of semiotics. The book has a significant philosophical background dated back to the times of John Poinot. The author is characterized by the American style of interpretation of basic semiotic doctrines. He is one of the outstanding American semioticians of our time.

Key terms: semiotics, semiology, doctrine, signs.

Reference literature (in transliteration):

Anderson M. et al. A Semiotic Perspective on the Sciences: Steps toward a New Paradigm // Semiotica. 52-1/2. 1984. P. 7–47.

Berger A. A. Media Analysis Technique. London, 1982.

Bouissac P. A Compass for Semiotics // Ars Semeiotica. 2.2. P. 205–221.

Bouissac P. Figurative versus Objective Semiotics: an epistemological crossroads // Semiotics. 1981. P. 3–12.

Clarke D. S. Principles of Semiotic. London, 1987.

Deely J. Introducing Semiotic: Its History and Doctrine. Bloomington, 1982.

Deely J. Editorial Afterword to Tractatus de Signis: The Semiotic of John Poinot. Berkeley, 1985. P. 391–514.

Deely J. Logic as a Liberal Art. Toronto, 1985a.

Deely J. Doctrine // Encyclopedic Dictionary of Semiotics. Berlin, 1986b.

Deely J. Semiotics and the Liberal Arts // The New Scholasticism LIX.3 (Summer). P. 296–322.

Deely J. Physiosemosis in the Semiotic Spiral: A play of musement // Sign Systems Studies 29.1. P. 27–48.

Doyle J. The Conimbricenses on the relation Involved in Signs // Semiotics. 1984. P. 567–576.

Eco U., Deely J. May 30 – June 24 Historiographical Foundations of Semiotics, course taught at ISISSS’83.

Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. Bloomington, 1984.

Eschbach A., Trabant J. History of Semiotics. Amsterdam, 1983.

Hawkes T. Structuralism and Semiotics. Berkeley, 1977.

Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1963.

Jameson F. The Prison House of Language: A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism. Princeton, 1972.

Mounin G. Introduction a la sémiologie. Paris, 1970.

Parret H. Peirce and Hjelmslev: the Two Semiotics // Language Sciences. 6.2. P. 217–227.

- Pignatari D. Informação. Linguagem. Comunicação. Sao Paulo, 1971.
- Perron P. «Preface» to Paris School Semiotics Texts and Documents I Theory. Toronto, 1983.
- Poinsot J. Tractatus de Signis. 1632a.
- Romeo L. Heraclitus and the Foundations of Semiotics // Versus. 15 (dicembre). 1976. P. 73–90.
- Romeo L. The Derivation of Semiotics through the History of the Discipline // Semiosis. 6. Heft 2. 1977. P. 37–49.
- Romeo L. Pedro da Fonseca in Renaissance Semiotics: a Segmental History of Footnotes // Ars Semeiotica. 3. P. 3–32.
- De Saussure F. Lectures delivered at the University of Geneva and published from auditors' notes by Charles Bally and Albert Sechehaye with the collaboration of Albert Riedlinger under the title Cours de Linguistique Generale in 1916.
- Sebeok T. A. Semiotic' and its Congeners // Linguistic and Literary Studies in Honour of Archibald Hill, I: General and Theoretical Linguistics. Lisse, 1971. P. 283–295.
- Sebeok T. A. Ecumenicalism in Semiotics // A Perfusion of Signs. Bloomington, 1977. P. 180–206.
- Sebeok T. A. Foreword to Introducing Semiotic. 1982.
- Sebeok T. A. Vital Signs. Presidential Address delivered October 12 to the ninth Annual Meeting of the Semiotic Society of America. Bloomington, Indiana, 1984a.
- Watt W. C. Signs of the Times // Semiotica. 50-1/2. P. 97–155.
- Williams B. What has History to do with Semiotic // Semiotica. 54.1/2.